

в данном случае речь идет об экономическом явлении, соответствовавшем действительности той эпохи и ограниченном во времени и месте специфическими условиями греко-римского рабовладельческого общества. Для большей ясности нужно сказать, что суждения тех ученых, которые считают, что вследствие денежной реформы Диоклетиана и Константина римская монета приобрела не только более твердый курс, чем обесцененная монета III в. н. э., но и более широкое применение в коммерческих сделках того времени, вполне обоснованы. Г. Миквицем приведены убедительнейшие доводы относительно римской Африки; А. Пиганьолем использованы для этой цели многие отрывки из «Кодекса Феодосия». Изучение египетских папирусов римско-византийской эпохи позволило недавно Л. Уэсту и А. Ч. Джонсону внести очень ценные уточнения⁹, хотя общее направление их труда в своей основе ошибочно. Значение всех этих материалов, свидетельствующих о расширении денежных оборотов, становится еще более выразительным, если сопоставить их с красноречивым списком подарков в натуре, которые в III в. получал Валериан (по словам его биографа в *Scriptores Historiae Augustae*), когда он (еще до того, как стал императором) был наместником провинции.

В свете сказанного необходимо расценивать и такие попытки регламентации, более или менее обширные, более или менее действенные, как, например, *Edictum de pretiis rerum venalium* (301 г.) или декрет императора Юлиана (362 г.), сохранившийся на одной из надписей в Тимгаде¹⁰. Речь идет о том, что, скажем, знаменитый «Эдикт о ценах» должен быть использован не только для выяснения ряда деталей экономической жизни империи¹¹, как это давно уже делается историками, но и для решения основной поставленной нами проблемы. Изучая этот и ему подобные документы, надо, следовательно, всегда иметь в виду, что одновременно с денежной реформой, которая ввела в обращение огромные массы денег, правительство и другими средствами стремилось стимулировать ту форму обмена, которая являлась характерной для греко-римского рабовладельческого общества, а именно денежную. В этой связи особенно следует обратить внимание на то, что в императорских законах IV в. именуется *adaeratio*, т. е. на перевод натуральных платежей и повинностей в денежные. Что касается применения *adaeratio* в эпоху императора Юлиана, то в моей упомянутой выше работе я привел об этом некоторые новые сведения¹². Я хочу теперь еще раз вернуться к этому вопросу и напомнить некоторые наиболее важные выводы, полученные мною, чтобы, в частности, отметить, насколько я тогда ошибался в истолковании общих проблем, и показать, как я считаю нужным решать их теперь.

Как и Г. Миквиц, автор этих строк считал тогда, что замена натуральных платежей денежными была таким мероприятием, которое соответствовало интересам населения Римской империи в последние века ее существования, и что такая форма платежа пресекала произвол полчищ финансовых агентов — *exactores* и *actuarii* и защищала плательщиков, в особенности когда речь шла о поставках хлеба, корма, лошадей и новобранцев, не говоря уже об основном налоге — *capitatio-jugatio*. Я стремился даже в этой связи дать объяснение тому мнимому предпочтению, которое, мне

⁹ L. C. West, A. Ch. Johnson. *Currency in Roman and Byzantine Egypt*. Princeton, 1944.

¹⁰ Th. Mommsen. *Ordo salutationis sportularumque sub Imperatore Juliano in provincia Numidia*. *Eph. Epigr.*, 5, 1884, p. 629 sq.

¹¹ Или, точнее говоря, ее восточных провинций, к которым он непосредственно относился, хотя теоретически его распоряжения имели силу на всей территории.

¹² E. Condurachi. *Op. cit.*, p. 134.